

Методология истории, источники, историография

УДК 304

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

Приглашение к размышлению: документальные свидетельства о социальной политике СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.)

Елена Б. Беспятова

*МИРЭА – Российский технологический университет,
Москва, Россия, elena_besp@list.ru*

Аннотация. Целью статьи является критическое рассмотрение некоторых научно-познавательных практик интенсификации исследований позднего сталинизма. Отмечается, что на современном историографическом этапе осмысление феномена сталинизма является частью центральной исследовательской задачи россиеведения, а именно определения степени рациональности и функциональности советской социально-экономической системы. Автор отмечает ряд ключевых факторов, усложняющих исследовательский поиск. Подчеркивая первостепенную значимость репрезентативности источниковой базы, автор останавливается на необходимости введения в научный оборот тех архивных материалов, реконструкция которых (средствами номотетических исследовательских процедур) позволяет выстроить и предложить к рассмотрению действие механизма коммуникации между обществом и властью. В качестве анализируемых материалов автор привлекает вышедший в 2020 г. сборник документов, раскрывающих социальную политику СССР в годы позднего сталинизма. Подчеркивается тот факт, что обширная база находящихся в фондах РГАСПИ не исследованных ранее документов за подписью И.В. Сталина, Л.М. Когановича, А.И. Микояна с реквизитами грифа секретности представляют собой интереснейшие примеры по применению партийно-правительственным руководством страны экономических, административных и социально-психологических методов управления. Обозначена важность авторского аналитического приема презентации социальной политики в качестве индикатора экономической стратегии позднего сталинизма.

Ключевые слова: социальная политика, поздний сталинизм, репрезентативность источниковой базы, общество, власть, политическая элита

© Беспятова Е.Б., 2023

Для цитирования: Беспятова Е.Б. Приглашение к размышлению: документальные свидетельства о социальной политике СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

An invitation to reflection.
Documentary evidence on the social policy of the USSR
in the post-war years (1947–1953)

Elena B. Bespyatova

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,
elena_besp@list.ru

Abstract. The purpose of the article is a critical review of some scientific and cognitive practices of intensifying research on late Stalinism. It is noted that at the present historiographic stage, understanding the phenomenon of Stalinism is part of the central research task of Russian studies, namely, determining the degree of rationality and functionality of the Soviet socio-economic system. The author notes a number of key factors that complicate the research search. Emphasizing the paramount importance of the representativeness of the source base, the author focuses on the need to introduce into scientific circulation those archival materials, the reconstruction of which (by means of nomothetic research procedures) allows one to build and propose for consideration the mechanism of communication between society and the authorities. As the analyzed materials, the author draws on a collection of documents published in 2020 that reveals the social policy of the USSR in the years of “late Stalinism”. The fact is emphasized that the extensive database of previously unexplored documents in the RGASPI (RSASPH) funds signed by I.V. Stalin, L.M. Koganovich, A.I. Mikoyan which were rated as classified are the most interesting examples of the use of economic, administrative and socio-psychological methods of management by the party and government leadership of the country. The importance of the author’s analytical method of presenting social policy as an indicator for the economic strategy of late Stalinism is indicated.

Keywords: social policy, late Stalinism, representativeness of the source base, society, government, political elite

For citation: Bespyatova, E.B. (2023), “An invitation to reflection. Documentary evidence on the social policy of the USSR in the post-war years (1947–1953)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

Проблема формирования социально-экономической модели позднего сталинизма в довольно представительной историографии послевоенного периода советского государства занимает особое место, продолжая оставаться одновременно объектом наболевших общественных дискуссий, острой проблемой научного дискурса и «белым пятном» в исторической реконструкции советского периода. Вместе с тем вырисовывается уникальная перспектива в дальнейшем развитии отечественного (и зарубежного) россиеведения. Ее проблематика противоречива, а направления диалектичны.

С одной стороны, в современных исследованиях отчетливо просматривается целенаправленный поиск к выявлению и установлению российской надэтнической идентичности [Зарубежное россиеведение 2014, с. 75]. С другой – при осмыслении феномена общественных трансформаций в постсоветский период отечественная гуманитаристика столкнулась с широкой гражданской потребностью в изучении советского образа жизни [Барышева 2015, с. 161–167; Барышева 2011, с. 123–131]. Не случайно значительная часть контента медиапространства, посвященного различным аспектам советского прошлого, обращена к реконструкции именно социальной истории. В таком контексте методологическому подходу к разработке концептуальной базы феномена «сталинской» экономической модели следует быть многомерным и соотносить значение модернизации не только с масштабом репрессий, но и с комплексом прагматических и ценностных ориентиров. При этом особую значимость должны приобрести и уже приобретают исследования социальной сферы экономики, позволяющей раскрывать социальную деятельность советского государства. В этом смысле драматичный послевоенный период предоставляет исключительный материал для анализа идеологии и практики социальной реальности советского времени.

В рамках предлагаемой статьи попытаемся критически рассмотреть некоторые вопросы научно-познавательных предпосылок для проведения фундаментальных социально-экономических исследований позднего сталинизма.

Объединяющим фактором в атмосфере чрезвычайной поляризации взглядов и крайней политизированности данной проблематики явилось общее для исследователей стремление преодолеть стереотипы в оценке политической экономии социализма и потенциала практической экономики советского государства. Однако следует признать, что доминантное направление на преодоление стереотипов советского политического и идеологического наследия в постсоветской историографии создало новый стереотип, конструирующий советскую реальность как антигуманную обще-

ственную систему, призванную манипулировать человеческими ресурсами в интересах деспотической власти.

Очевидно, что научно-экспертному сообществу не только не удалось достигнуть историографического консенсуса, но и сама возможность конструктивного анализа проблем сталинизма вновь оказалась под влиянием когнитивных практик, с одной стороны, и медийного исторического знания – с другой [Логунов 2017, с. 74–86; Фокин 2016, с. 64–73]. Из этого можно заключить о пролонгации гипотетического статуса проблем позднего сталинизма и преждевременности подведения итогов так называемой архивной революции 1990-х гг. с последующим переходом к серьезным теоретическим обобщениям [Медушевский 2010, с. 3].

Новейшая научная реальность в изучении «советского проекта» характеризуется рядом факторов, генерирующих стратегию научного поиска:

Во-первых, это отсутствие прочного методологического фундамента исторического познания.

Во-вторых, это применение разнообразных познавательных принципов, исключаящих, по сути, основополагающий постулат.

В-третьих (что очень важно), это понимание генеральной исследовательской задачи, а именно определение эффективности или неэффективности советской социально-экономической модели. Такая задача направлена прежде всего на выявление причин краха Советского Союза.

И наконец, исторический анализ осуществляется сразу в нескольких предметных полях политической, экономической, интеллектуальной и повседневной истории.

Хоть и в дискуссионном ключе, но в отечественной науке все чаще рассматриваются перспективы применения стратегии методологического синтеза [Методологический синтез 2005; Усков 2021; Репина 1999, с. 7–38; Репина 2008, с. 29; Марцева 2019, с. 338]. На наш взгляд, подобная методологическая парадигма является актуальным и многообещающим направлением исторического познания, отвечающим условиям и запросам современных исторических изысканий.

Итак, в сложившихся обстоятельствах методологического плюрализма запрос к научной общественности на «бесклассовость» и объективность гуманитарного знания предопределил синтез структурного и социокультурного подходов и «по умолчанию» – расширение объема целевых изысканий, интенсифицирующих в первую очередь репрезентативность источниковой базы. В таком поисковом диапазоне фактическая составляющая, наполненная введенными в научный оборот широкими архивными материалами

и усиленная номотетическими аналитическими процедурами (такими, как компаративистика, герменевтический анализ текстов и контент-анализ), предоставит необходимый материал для установления эмпирических закономерностей, отражающих многообразие советской реальности. В свою очередь, феноменологический метод исторического исследования предоставит возможность понять человека прошлого, его систему ценностно-значимых представлений и поведение в рамках существующих причинно-следственных связей.

Думается, что взаимодействие этих методологических приемов исторического познания и исследовательских процедур позволит отойти от фрагментарных реконструкций, обеспечит высокий уровень исторического моделирования интересующей нас эпохи позднего сталинизма. На смену «бессмысленному коллекционированию» [Каравашкин, Юрганов 2003, с. 9] должно прийти осознанное и целостное восприятие коренных сдвигов в советском социалистическом прошлом.

По мнению ученых, специализирующихся в области социальной истории СССР/России второй половины XX в. (прежде всего профессора Е.Ю. Зубковой), интенсификация историографической базы послевоенного периода, связанная с введением в научный оборот новых документальных материалов и освоением пространства социальных практик советского образа жизни, по-прежнему страдает избирательным и эмпиричным характером. Это касается хронологических периодов, персонализации и предметных полей [Зубкова 2019, с. 12].

Сравнительно недавно внимание исследователей переключилось с 1920–1930-х гг. на послевоенный период, с жизнеописания лидеров из «высших политических сфер» на послевоенную повседневность различных социальных групп. Анализ государственных мероприятий и стратегий выживания в области социальной политики проводится в кандидатских и докторских диссертациях, научных статьях и монографических исследованиях [Авдонин 2021; Молдчик 2004; Зезина 2019; Колесник 2019; Мазур, Горбачев 2022].

Доступность исторического материала обеспечили и современные возможности документирования истории с помощью цифровых технологий. Однако разнообразие форм использования цифровых форматов, по мнению профессиональных историков, играет скорее отрицательную, чем положительную роль. Избыточный и противоречивый контент информации озадачивает неискушенного пользователя, склоняя его к примитивной интерпретации многофакторного и многомерного советского прошлого. Очевидно, что «цифровая история» генерирует особую значимость введения

в научный оборот широкого круга репрезентативных исторических источников и, в первую очередь, архивных материалов. Вот почему исключительной важности явлением стала публикация материалов в серии «Документы советской истории»¹.

Однако для противодействия искажению и упрощению истории советского периода, для предупреждения превращения ее в средство политического манипулирования и пропаганды экстенсификация новых документальных комплексов явно недостаточна.

Системный и целостный подход к изучению явлений и процессов советского периода в целом, и конкретно периода позднего сталинизма диктует, параллельно с пространственной реконструкцией его отдельных сторон, выполнение углубленного анализа механизмов коммуникации общества и власти.

При подобных обстоятельствах «прорывным» событием в исторической науке можно считать документально-издательский проект Российского архива социально-политической истории, воспроизводящий и интерпретирующий экономическую, социальную и культурную реальность послевоенного периода. Авторским коллективом в составе доктора исторических наук, лауреата Государственной премии РФ В.В. Журавлева и кандидата исторических наук Л.Н. Лазаревой была поставлена задача: на базе ранее неизвестных архивных источников осветить теоретические и практические аспекты формирования и корреляции экономической модели позднего сталинизма с социальной и культурной политикой.

Краеугольным камнем исследования стал вышедший в 2017 г. сборник «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии»², посвященный теоретическим основам выработки экономической модели. Логическим продолжением исходной документальной публикации является вышедший в 2020 г. сборник материалов и документов «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы»³ и подготовленная к изда-

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002. 654 с.; Последние письма Сталину, 1952–1953: [реконструкция документального комплекса] / Сост. Г.В. Горская и др. М., 2015. 541 с.; Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Ю. Зубкова и др. М., 2003. 719 с.

² Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии: 1947–1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017. 647 с.

³ Социальная политика СССР в послевоенные годы, 1947–1953 гг.: документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2020. 716 с.

нию книга, объектом исследования которой определена культурная политика позднего сталинизма.

Сразу после выхода второго сборника, посвященного социальной политике позднего сталинизма, стал очевиден системно-исторический подход исследовательского проекта. Анализ и осмысление достижений и провалов «сталинской модели» дополнился развернутым форматом социальной проблематики. Обширная база ранее не подвергавшихся изучению документов фондов ЦК ВКП(б)–КПСС И.В. Сталина, Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, В.М. Молотова и А.А. Жданова Российского государственного архива социально-политической истории открыла исследователям объемную картину: трудностей и проблем послевоенной повседневности; механизма принятия политических решений и реализации социальной политики; отношения партийно-правительственного руководства страны к экономическим, административным и социально-психологическим методам управления; драматичного состояния аграрного сектора. Феноменологическая парадигма «понять человека прошлого и через него окружающий его мир» [Медушевская, Румянцева 1997, с. 20], т. е. мысленно погрузиться в послевоенную реальность, реализуется при знакомстве с документами, воссоздающими настроения в обществе.

Выдвигаемая для осмысления различных аспектов формирования и корреляции экономической модели позднего сталинизма авторская гипотеза о том, что начавшаяся холодная война и отступничество союзников по антигитлеровской коалиции (обещанный в 1945 г. кредит в 5–6 млрд долларов, к 1946 г. сократился до 1 млрд долларов, а к 1947 г. вовсе растворился [История России 2018, с. 410]) не позволили в полной мере реализовать запланированные мероприятия в области социальной политики⁴, исследуется и подтверждается посредством теоретических дискурсов «описание-объяснение» [Савельева, Полетаев 2008, с. 232–239].

Дискурс «описание» осуществляется в пяти разделах сборника документов о социальной политике позднего сталинизма (Раздел 1. «Прокрустово ложе» послевоенной социальной политики. Февраль 1946 – май 1952 г.; Раздел 2. Финансовые механизмы социальной политики. Август 1944 – апрель 1953 г.; Раздел 3. Рабочие и горожане. Ноябрь 1945 – октябрь 1948 г.; Раздел 4. Социальная политика в аграрном секторе. Февраль 1945 – апрель 1950 г.; Раздел 5. Некоторые итоги. Декабрь 1953 – февраль 1962 г.).

Целью обширной документальной публикации новых ранее неизвестных или малоизвестных источников является раскрытие

⁴ Там же. С. 9–10.

и содержательное наполнение этапов и направлений социальной политики позднего сталинизма в ситуации набравшей обороты холодной войны, «выдавливает ресурсы из гражданских отраслей народного хозяйства»⁵.

В связи с этим отдельно остановимся на проблеме репрезентативности документальной выборки, осуществляемой на базе архивных материалов.

Для исследователя, преследующего цель всесторонней реконструкции эпохи позднего сталинизма и наиболее полного понимания потенциала хозяйственного механизма «сталинской экономической модели», важной задачей является раскрытие законотворческого процесса. В отношении вышеупомянутого сборника репрезентативность информации о содержании процесса принятия решений достигается благодаря подборке документальных источников государственного администрирования, отличающихся ограниченным доступом и содержащих информацию «ограниченного распространения». При этом для исследователя ценность документа с реквизитами грифа секретности и «для служебного пользования» заключается не столько в наличии военной или государственной тайны, сколько в его использовании узким кругом доверенных лиц, что сводит к минимуму вероятность манипуляции фактами конфиденциантами при обсуждении социально-политического курса. Знакомство с документальными свидетельствами, содержащими неприукрашенные оценки текущей реальности, открывает перспективу получить более полное представление о взглядах советского истеблишмента, почувствовать драматургию откровенных обсуждений и разобраться в механизме принятия решений. В некоторых случаях материалы с грифом секретности можно отнести к типу эго-источников. Такие документы, написанные от первого лица и исходящие от конкретных представителей кластера высшего государственного руководства, отражая аутентичные взгляды и поведенческие практики руководителей государства, способствуют объемному восприятию феномена эпохи позднего сталинизма.

В качестве примера можно привести имеющую гриф «секретно» «Докладную записку Л.З. Мехлиса И.В. Сталину о крупных извращениях в отношении частного, допущенных Министерством финансов СССР» (документ 112)⁶. Этот обстоятельный документ, насыщенный большим количеством «перекрестных ссылок», позволяет сделать, как минимум, два заключения. Во-первых, заочная дискуссия министра государственного контроля СССР Л.З. Мех-

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 577–588.

лиса и начальника Управления по налогам и сборам в системе Наркомата (министерства) финансов Г.Л. Марьяхина о легализации частника в целях «стимулирования производства предметов широкого потребления в послевоенное время»⁷, по сути, сводилась к возможному возрождению нэпа. Во-вторых, доводы и рекомендации обоих государственных деятелей выразительно иллюстрируют прежде всего сохранившийся политэкономический плюрализм и прагматизм при разработке мероприятий социальной политики. А уж потом догматичное следование идеологическим установкам.

Дискурс «объяснение», представляющий собой успешную попытку выявления на эмпирическом материале взаимодействия и взаимообусловленности механизмов формирования социальной политики, авторы расположили во вводной статье. Подобная смысловая нагрузка этой части публикации оказала влияние на содержательную сторону архитектоники введения. Перед читателем в привычном для историко-документальных изданий археографическом предисловии (информация о подборе документов, принципах их комплектования и комментарии к документам) на документальной основе раскрываются обстоятельства, генерирующие социальную политику советского государства в условиях: а) мобилизационной экономической стратегии и «рыночного» маневра государства; б) жизненно необходимой безотлагательности восстановления экономики; в) развертывающейся холодной войны; г) идеологического стереотипа о преимуществах социалистической экономики.

Представляется, что авторскую презентацию социальной политики в качестве индикатора экономической стратегии позднего сталинизма можно считать успешным аналитическим приемом, который отвечает поставленной во введении задаче. Последняя предполагает «выявление объективных и субъективных факторов, действовавших в сложном взаимодействии, задававших вектор развития социальной политики, способствовавших ее успехам и провалам»⁸.

Таким образом, квалифицированная документальная публикация, соответствующая концепции «описание-объяснение», обеспечивает исследователей объемным, репрезентативным материалом, который интенсифицирован содержательно-теоретическим компонентом. Подобный системный подход, несомненно, способствует целостному восприятию сложнейшего исторического периода и приглашает нас к непредвзятому анализу перипетий «советского проекта».

⁷ Там же. С. 583.

⁸ Там же. С. 5.

Литература

- Авдонин 2021 – *Авдонин В.С.* «Проектирование» советского политического прошлого во властном дискурсе РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 98–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110.
- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Символы и ритуалы социалистического города // Проблемы российской истории. Вып. 13: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 2015. С. 161–167.
- Барышева 2011 – *Барышева Е.В.* Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2011. № 1 (62). С. 123–131.
- Зарубежное регионоведение 2014 – Зарубежное регионоведение: Учеб. пособие / Под ред. А.Б. Безбородова. М.: Проспект, 2014. 574 с.
- Зезина 2019 – *Зезина М.Р.* Некоторые вопросы исторической реконструкции советской жизни // Российская история. 2019. № 5. С. 19–24.
- Зубкова 2019 – *Зубкова Е.Ю.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 3–14.
- История России 2018 – История России: В 4 т. / Под ред. Н.А. Омельченко. Т. 4. М.: ИНФРА-М, 2018. 618 с.
- Каравашкин, Юрганов 2003 – *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003. 381 с.
- Колесник 2019 – *Колесник В.И.* Георгий Маленков: «Низверженный преемник Сталина». М., 2019. 191 с.
- Логунов 2017 – *Логунов А.П.* Политическое измерение исторического // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 3. С. 74–86.
- Мазур, Горбачев 2022 – *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М., 2022. 350 с.
- Марцева 2019 – *Марцева Л.М.* Методологический синтез в познании России. Омск, 2019. 338 с.
- Медушевская, Румянцева 1997 – *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997. 71 с.
- Медушевский 2010 – *Медушевский А.Н.* Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.
- Методологический синтез 2005 – Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2005. 186 с.
- Молодчик 2004 – *Молодчик А.В.* Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 322 с.

- Репина 2008 – Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. 29 с. (Серия WP6. Гуманитарные исследования)
- Репина 1999 – Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 2 // Социальная история: Ежегодник: 1998–1999. М., 1999. С. 7–38.
- Савельева, Полетаев 2008 – Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Алетей; М.: ГУ ВШЭ, 2008. 522 с.
- Усков 2021 – Усков Г.С. Проблема методологического синтеза в контексте историографического исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-sinteza-v-kontekste-istoriograficheskogo-issledovaniya> (дата обращения 22 марта 2021).
- Фокин 2016 – Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.

References

- Avdonin, V.S. (2021), “ ‘Designing’ the Soviet political past in the power discourse of the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 3, pp. 98–110, DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-98-110>
- Barysheva, E.V. (2015), “Symbols and rituals of a socialist city”, in *Problemy rossiyskoi istorii. Vypusk 13: Sotsialisticheskii gorod i sotsiokul’turnye aspekty urbanizatsii* [Issues of Russian history. Issue. 13. Socialist city and socio-cultural aspects of urbanization], Magnitogorsk, Russia, pp. 161–167.
- Barysheva, E.V. (2011), “Power representation as a form of political construction of the social environment”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 62, no. 1, pp. 123–131.
- Bezborodov, A.B. (ed.) (2014), *Zarubezhnoye rossiyevedeniye: Ucheb. posobie* [Foreign Russian studies. Textbook], Prospekt, Moscow, Russia.
- Zezina, M.R. (2019), “Some questions of the historical reconstruction of Soviet life”, *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, pp. 19–24.
- Zubkova, E.Yu. (2019), “Soviet life as a subject of historical reconstruction”, *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, pp. 3–14.
- Omelchenko, N.A. (ed.) (2018), *Istoriya Rossii: V 4 t.* [History of Russia. In 4 vol.], vol. 4, INFRA-M, Moscow, Russia.
- Karavashkin, A.V. and Iurganov, A.L. (2003), *Opyt primeneniya fenomenologii: Trudnyi put’ k ochevidnosti* [Experience of historical phenomenology. The hard way to the obvious], RGGU, Moscow, Russia.
- Kolesnik, V.I. (2019), *Georgii Malenkov: “Nizverzhennyi preymnik Stalina”* [Georgy Malenkov: “The overthrown successor of Stalin”], Moscow, Russia.
- Logunov, A.P. (2017), “The political dimension of the historic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Political Science. International Relations” Series*, no. 3, pp. 74–86.

- Mazur, L.N. and Gorbachev, O.V. (2022), *Sovetskiye fil'my o derevne: opyt sochetaniya khudozhestvennogo obraza* [Soviet films about the village. The experience of the historical interpretation of the artistic image], Moscow, Russia.
- Martseva, L.M. (2019), *Metodologicheskii sintez v poznanii Rossii* [Methodological synthesis in the knowledge of Russia], Omsk, Russia.
- Medushevskaya, O.M. and Rumyantseva, M.F. (1997), *Metodologiya istorii* [History methodology], Moscow, Russia.
- Medushevskii, A.N. (2010), "Stalinism as a model of social construction. On the completion of a research and publishing project", *Rossiyskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–29.
- Mogilnitskii, B.G. and Nikolayeva, I.Yu. (eds.) (2005), *Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, perspektivy* [Methodological synthesis. Past, present, possible prospects], Tomsk, Russia.
- Molodchik, A.V. (2004), *Gosudarstvennaya sotsialnaya politika SSSR I uroven' zhizni sovetского naseleniya v 1929–1953 gg.* [State social policy of the USSR and the standard of living of the Soviet population in 1929–1953], D. Sc. Thesis (History), MPGU, Moscow, Russia.
- Repina, L.P. (2008), *Novye issledovatel'skiye strategii v rossiyskoi i mirovoi istoriografii* [New research strategies in Russian and world historiography], Moscow, Russia. (*Seriya WP6. Gumanitarnye issledovaniya*)
- Repina, L.P. (1999), "Change of cognitive orientations and metamorphosis of social history, part 2", *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik: 1998–1999* [Social History: Yearbook. 1998–1999], Moscow, Russia, pp. 7–38.
- Savelyeva, I.M. and Poletayev, A.V. (2008), *Teoriya istoricheskikh znaniy: uchebnoe posobie* [Theory of historical knowledge. Textbook], Aleteyya, Moscow, Russia.
- Uskov, G.S. (2021), *Problema metodologicheskogo sinteza v kontekste istoriograficheskogo issledovaniya* [The issue of methodological synthesis in the context of historiographic research], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-sinteza-v-kontekste-istoriograficheskogo-issledovaniya> (Accessed 22 March 2021).
- Fokin, A.A. (2016), "Relics and simulacra of the Soviet in modern Russian media space", *Labirint: Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, vol. 1/2, pp. 64–73.

Информация об авторе

Елена Б. Беспятова, кандидат исторических наук, доцент, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78; elena_besp@list.ru

Information about the author

Elena B. Bespyatova, Cand. of Sci. (History), associate professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia; bld. 78, Vernadsky Av., Moscow, 119454, Russia; elena_besp@list.ru